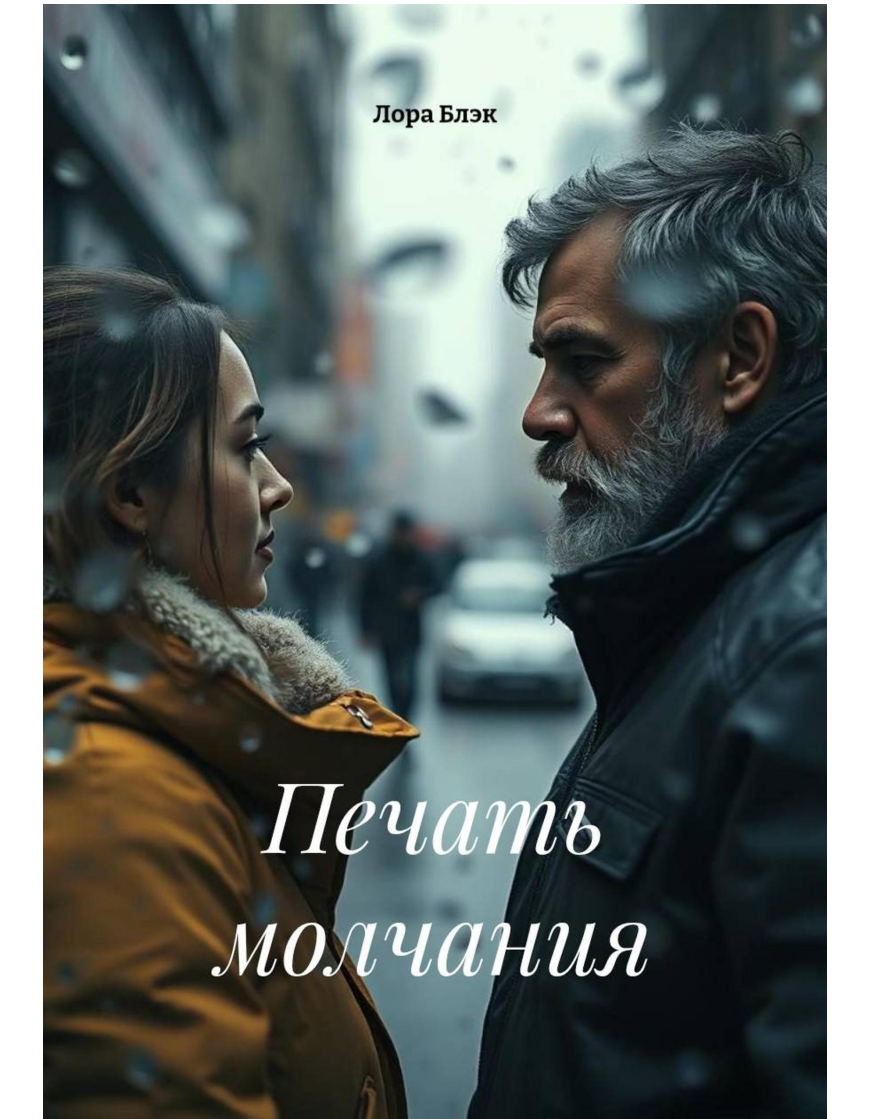

A cinematic photograph of a man and a woman in profile, facing each other in a rainy city street. The woman on the left has dark hair and is wearing a brown coat with a fur collar. The man on the right has grey hair and a beard, wearing a dark jacket. Raindrops are visible in the air and on their clothing. The background is a blurred city street with cars and buildings.

Лора Блэк

*Печать
молчания*

Лора Блэк

Печать молчания

<https://litres.ru/74326198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отель «Старый маяк» отрезан мартовским штормом от мира. Связи нет, мост затоплен. А внутри — наглухо запертая изнутри комната, синеющий труп всесильного чиновника Артура Громова и удушливый аромат горького миндаля. Блестящий адвокат Вероника Леонова просыпается на месте преступления со шприцем-пистолетом в руке. Все факты кричат: убийца — она. Но это лишь безупречный фасад чужой мести. Физически никто не мог войти в номер. Никто не мог выйти, оставив тяжелый засов закрытым. Единственный шанс спастись — побег вместе со сломленным лагерным строителем Игорем Петровичем, чью жизнь они с Громовым цинично растоптали три года назад. На Веронике надета старая куртка его сына Дениса, скрывающая в подкладке страшный секрет. Среди ржавых вагонов брошенной промзоны между циничной женщиной-законом и беглым узником вспыхивает отчаянная, порочная любовь. Но кто ведет эту партию из темноты? И существует ли Мясник Марк Волков на самом деле?

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. ЛЕДОХОД	4
Интересные факты, о которых стоит подумать перед чтением	7
ГЛАВА 1. ТУМАН И ЗЕРНО	9
ГЛАВА 2. НЕЙЛОНОВЫЙ ЩИТ	16
ГЛАВА 3. ЦЕНА МОЛЧАНИЯ	22
ГЛАВА 4. СЛЕД НА ПЕПЛИЩЕ	28
ГЛАВА 5. ПЕТЛЯ В ТЕМНОТЕ	33
ГЛАВА 6. ОСТРИЕ ВО ТЬМЕ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лора Блэк

Печать молчания

ВВЕДЕНИЕ. ЛЕДОХОД

Мартовский лед на озере всегда сходит с глухим, леденящим душу треском. Этот звук напоминает стон живого существа, запертого под толщей темной, тяжелой воды. Люди, приезжающие в отель «Старый маяк», наивно думают, что бегут от своих грехов, удушающих воспоминаний или разрушенных жизней. Они не понимают главного: этот особняк на скалистом выступе никогда не был курортом. Он всегда был безупречным капканом.

Каменные стены, выложенные еще в позапрошлом веке, впитали в себя сырость штормов, копоть старых каминов и прерывистый шепот тех, кто пытался здесь спрятаться. Но от прошлого нельзя скрыться за массивными дубовыми дверями. Оно умеет ждать. Оно затаивается на самом дне, как раскисшая глина под колесами, чтобы в самый неподходящий момент намертво затянуть тебя в бездну.

У каждого, кто переступил порог отеля в эту роковую ночь, за спиной висел свой собственный, невидимый гроб.

Всесильный коррумпированный чиновник Артур Громов, привыкший выходить сухим из любой воды. Блестящая жен-

щина-адвокат Вероника Леонова в блузке из ослепительно белого шелка, чья холодная логика ломала чужие судьбы ради гонораров. Бывший следователь Дмитрий с воспаленными от недосыпа глазами, потерявший из-за них всё — карьеру, имя и веру в справедливость. И молчаливый администратор Олег у стойки, чей тяжелый, мертвый взгляд напоминал лед подо льдом.

Они считали себя чужими друг другу людьми, случайно оказавшимися под одной крышей из-за разбушевавшейся стихии. Но механизм страшной, многолетней мести уже был запущен. Ледяной штормовой ветер, швыряющий в панорусные окна пригоршни мокрого снега, надежно оборвал телефонные провода и затопил единственную переправу к мосту, полностью отрезая их от внешнего мира. Absolute изоляция.

В этом доме не будет суда присяжных. Здесь не пригодятся дорогие адвокатские мантии и поддельные бланки документов. Старые шрамы вскроются сами, а тиканье настенных часов в пустом холле громко и методично отсчитает последние минуты чьей-то благополучной, но глубоко порочной жизни.

Ловушка захлопнулась идеально. Когда предсмертные сумерки сменятся блеклым мартовским рассветом, в запертом изнутри номере раздастся первый задушенный крик. И под засаленной нейлоновой тканью, у самого сердца, начнет тикать оружие, способное уничтожить любого, кто встанет на пути к спасению. Потому что за всё в этой жизни приходится

платить. И эта ночь потребует полную цену.

Интересные факты, о которых стоит подумать перед чтением

Феномен «Запертой комнаты»: В криминалистике существует реальный психологический эффект: человек, оказавшийся в замкнутом пространстве с телом, в 90% случаев начинает уничтожать даже те улики, которые к нему не относятся. Паника полностью блокирует логику адвоката или следователя, превращая невиновного в идеального подозреваемого.

Запах горького миндаля: В химии этот специфический, сладковато-приторный аромат прочно ассоциируется с быстрыми растительными токсинами. Самое страшное, что около 25% людей на планете из-за генетической особенности вообще не способны почувствовать этот запах в воздухе. Они вдыхают его, думая, что комната абсолютно пуста.

Эффект ложного свидетеля: Психика человека под воздействием транквилизаторов способна за несколько часов сформировать абсолютно четкие, детальные воспоминания о преступлении, которого он никогда не совершал. Человек искренне верит, что нажал на спуск шприца, даже если в этот момент спал мертвым сном.

Синдром Мясника: Настоящие серийные убийцы редко действуют хаотично. Они педанты. Их тяга к идеально-

му, геометрическому порядку в жизни — это лишь попытка удержать под контролем первобытный хаос, который бушует внутри их черепной коробки.

Цитаты-эпиграфы

«Самые громкие преступления совершаются не в темноте, а в абсолютной, удушающей тишине человеческого равнодушия».— **Лора Блэк, «Убийца моего мужа»**

«Задвинуть засов изнутри — значит защитить себя от мира. Но что делать, если мир остался снаружи, а чудовище уже заперто вместе с тобой в одной комнате?»— **Неизвестный профайлер**

«Правосудие — это поезд, который всегда опаздывает. Но когда он наконец прибывает, он переезжает и правых, и виноватых».— **Из архивов судебных анналов**

ГЛАВА 1. ТУМАН И ЗЕРНО

Тьма отступала неохотно. Она не уходила, а словно впитывалась глубоко в поры сознания, оставляя после себя липкий, въедливый осадок.

Первым вернулся слух. Где-то далеко, за пределами черепной коробки, монотонно, свирепо и глухо выл мартовский шторм. Ледяной ветер с озера налетал на стены отеля короткими, яростными толчками, швыряя в оконные стекла пригоршни мокрого, тяжелого снега. Этот звук — прерывистый, хлесткий, шуршащий — до ужаса напоминал Веронике удары плетью по сырой, незащитной коже. Ей казалось, что шторм пытается пробить вековые каменные стены «Старого маяка» и добраться лично до неё.

Вероника Леонова открыла глаза. Пространство перед ней не сфокусировалось сразу. Оно рассыпалось на миллионы серых, вибрирующих зёрен, как на экране старого, неисправного телевизора, потерявшего сигнал. В горле невыносимо, до хрипа пекло. Горький, удушливый, порошковый привкус фенobarбитала — верного спутника её затяжных бессонных ночей — намертво въелся в корень языка. Голова раскалывалась от тупой, свинцовой боли, которая при каждом ударе пульса отдавалась в висках короткими вспышками тошноты.

Она лежала прямо на холодном, лакированном паркете.

Правая щека полностью онемела, плотно прижатая к гладкому дереву. Вероника попыталась пошевелиться, перекатиться, но всё её тело отозвалось чужой, парализующей тяжестью. Каждая мышца, каждый сустав словно налились жидким, застывающим бетоном. Снотворное еще держало её разум в вязком оцепенении.

— Где я?.. — хрипло, едва слышно выдохнула она в гробовую пустоту комнаты.

Но вместо членораздельных слов из её сухих, разбитых губ вырвался лишь задушенный, жалкий свист.

Преодолевая яростное сопротивление собственного веса, она медленно перевернулась на спину. Высокий потолок гостевого люкса тонул в траурно-серых предрассветных сумерках. Огромные, лепные карнизы прошлых веков в этом полумраке казались разинутыми пастьми невидимых чудовищ. Воспоминания о вчерашнем вечере возвращались рваными, болезненными вспышками, сменяя друг друга, как кадры испорченной киноплёнки: раскисшая лесная дорога, бесконечный ливень, глухой, зловещий стук колес её внедорожника о доски старого переезда, уединенный особняк на скалистом выступе и... Артур Громов. Её главный клиент. Человек, чьи грязные миллионы, циничные махинации и растоптанная совесть годами обеспечивали ей безупречный статус и лоск столичного топ-адвоката. Она приехала сюда ради него. Чтобы в очередной раз спрятать его грехи от закона.

Вероника оперлась на правую руку, собираясь подняться,

и внезапно замерла. Её пальцы коснулись чего-то влажного. Ковер и паркет под её телом были абсолютно сухими, но ладонь ощущала липкую, неестественно холодную жидкость.

Паника, острая, чистая и ледяная, как разряд электрического тока, мгновенно пробила остатки снотворного тумана. Вероника рывком села, тяжело, прерывисто и шумно дыша. Сердце испуганно екнуло, сорвалось с ритма и заколотилось в грудной клетке так бешено, что тупая боль прошила ребра.

В блеклом, пепельном свете, едва сочившемся сквозь узкую щель в плотных бархатных портьерах, её правая рука выглядела жутко. Вся ладонь, тонкие пальцы, запястье и ослепительно белый правый манжет дорогой шелковой блузки были испачканы прозрачным, маслянистым раствором. От ткани исходил резкий, удушливый, химический запах горького миндаля. На шелке, прямо возле перламутровой пуговицы, наплывало тяжелое сероватое пятно, которое стремительно впитывалось вглубь волокон.

Но страшнее всего было то, что пальцы Вероники намертво, до судороги и белизны в костяшках, сжимали матовую рукоять сложного медицинского прибора.

Это был автоматический шприц-пистолет. Тяжелый, выполненный из темного углепластика, со встроенным цифровым дозатором и длинной, тончайшей стальной иглой. С кончика этой иглы на паркет медленно, методично упала последняя прозрачная капля яда. Внутри прозрачного паза прибора виднелись мелкие осколки разбитой ампулы. На

пластиковом корпусе чудом уцелел край этикетки с серийным номером, который Вероника слишком хорошо помнила. Она сама видела этот номер в тайных медицинских картах Громова, когда изучала его личные архивы.

— Нет, нет, нет... этого не может быть. Пожалуйста, нет, — лихорадочно зашептала Вероника, чувствуя, как первобытный, животный страх сдавливает её горло, лишая возможности сделать даже вдох.

Она с силой отбросила шприц-пистолет от себя. Пластик с глухим, леденящим душу стуком покатился по ковру, замерев у плинтуса. Вероника на коленях, шатаясь и хватаясь руками за воздух, попятилась назад, пока её спина с размаху не уперлась в массивный деревянный каркас кровати. Её взгляд лихорадочно, безумно заметался по комнате и окончательно остановился на велюровом кресле у камина.

Там, глубоко откинув голову на спинку, сидел Артур Громов.

Его лощеный, безупречно отглаженный дорогой костюм сидел на нем как влитой, но воротник рубашки был небрежно расстегнут. Никакой крови. Никаких разорванных ран. Никакого явного насилия. Но лицо всесильного чиновника было пугающе синим, почти черным в блеклых предрассветных сумерках, а губы застыли в беззвучном, жутком крике. Прямо над воротником, на бледной коже сонной артерии, отчетливо багровела микроскопическая точечная капля подсохшей крови — след от мгновенной, смертельной инъек-

ции. Стекланные, мертвые глаза Громова были широко распахнуты. Они смотрели прямо на Веронику с немим, застывшим выражением абсолютного ужаса. Мучитель сотен людей, разрушитель чужих судеб, человек, укравший будущее у десятков сирот ради личной наживы, теперь лежал в паре шагов от нее, превратившись в безжизненную кучу дорогого обмякшего тряпья.

Вероника мгновенно закрыла рот обеими руками, до боли впиваясь ногтями в кожу, чтобы сдержать дикий, рвущийся наружу крик. Горячие слезы бессилия и паники хлынули по её бледным щекам. В её голове, несмотря на ужас, со страшной скоростью включился и завертелся бешеный, холодный адвокатский расчет. Она слишком хорошо знает закон. Она наизусть знает, как работает следственная машина.

Если прямо сейчас в эту комнату войдет полиция — её судьба будет решена за десять минут. Суд присяжных не сомневается ни секунды, когда видит такую картину. Вот труп. Вот редчайший, запрещенный токсин, доступ к которому Вероника лично обеспечила Громову неделю назад через свои теневые связи. Вот шприц-пистолет, на котором гарантированно остались её отпечатки пальцев. И её собственный шелковый манжет, намертво пропитанный липким запахом горького миндаля. Это был идеальный фасад для её собственного, пожизненного смертного приговора.

— Меня подставили... Господи, меня подставили, — лихорадочно шептала она, кусая губы до солоноватого вкуса

крови.

Пытаясь найти выход, её взгляд упал на входную дверь номера. Массивная, дубовая, обитая кованым железом дверь гостевого люкса «Старого маяка» была плотно закрыта. И самое страшное, самое безумное — тяжелая железная задвижка изнутри была полностью, до самого упора вогнана в металлический паз косяка. Окно люкса было наглухо заперто на шпингалеты, а за ним — отвесная скала, ледяная крошка и штормящее, черное озеро.

Герметичный гроб. Физически никто не мог войти в этот номер со стороны общего коридора. Никто не мог выйти, оставив этот массивный засов закрытым. Задвижка закрывается только изнутри. Только руками того, кто находится в комнате. Только её руками.

И именно в эту секунду где-то внизу, в глубине пустых, гулких коридоров отеля, раздались шаги. Они были неторопливыми, размеренными и пугающе вкрадчивыми. Так ходят люди, которые абсолютно уверены в своей победе. Которые точно знают, что их жертва поймана в капкан и бежать ей некуда. Шаги неумолимо приближались к её двери, глухо отдаваясь от старых, разохшихся половиц коридора. Механизм страшной, многолетней мести был запущен. Время Вероники Леоновой исчислялось секундами.

Она заставила себя подняться на дрожащие, ватные ноги. На вешалке у самой двери одиноко висела её старая, заношенная осенняя куртка — единственная простая вещь, кото-

рую она категорически отказалась оставлять в гардеробе отеля вчера вечером, доверившись лишь собственным рукам. Вероника рванулась к ней, судорожно нащупывая в кармане маленькие кухонные ножницы, которые всегда носила с собой в сумочке на всякий случай. Пальцы лихорадочно дрожали, срывая ногти о плотный нейлон внутренней подкладки...

ГЛАВА 2. НЕЙЛОНОВЫЙ ЩИТ

Шаги в коридоре звучали ровно, размеренно и неотвратимо. В этой пугающей неторопливости крылась леденящая душу уверенность хищника, который точно знает, что его жертва надежно заперта в клетке. Каждый глухой удар тяжелой подошвы о разошедшуюся лиственницу старых половиц отзывался в висках Вероники резким, болезненным стуком. Звук нарастал, пробиваясь сквозь яростный вой мартовского шторма за окном. До её двери оставалось не больше двадцати метров. Десять секунд. Пятнадцать, если тот, кто шел в предрассветной темноте, решит остановиться у старинного зеркала в холле первого этажа.

Паника едва не ослепила её, сковывая легкие и лишая возможности дышать. Вероника стояла посреди номера, тяжело дыша, и её правая рука, испачканная липким ядом, крупно дрожала. Левым локтем она судорожно прижимала к боку свою кожаную сумочку, пальцы лихорадочно терзали заклинивший замок-молнию. Тонкие металлические зубцы заели, намертво зажевав кусок внутренней шелковой подкладки. Сорвав ногти до крови и не чувствуя физической боли от избытка адреналина, Вероника с силой рванула кожу в стороны. Сумочка с противным треском раскрылась, и на паркет веером посыпалось её содержимое: мелкая косметика, документы, блистеры с фенobarбиталом и маленькие швей-

ные ножницы в никелированном чехле.

Она упала на колени, едва не коснувшись колена мертвеца, схватила ножницы и в три широких, бесшумных шага оказалась у деревянной вешалки у входа. Там одиноко висела её старая, заношенная осенняя куртка.

Эта вещь была её личным, невидимым щитом. Дешевый, потертый серый нейлон, купленный на грязном привокзальном рынке много лет назад, когда она еще не была лощеным столичным адвокатом Леоновой, а оставалась лишь испуганной, голодной девчонкой, пытающейся зацепиться за жизнь в жестоком мегаполисе. Куртка давно потеряла презентабельный вид, но Вероника категорически отказалась оставлять её вчера вечером внизу, в общем гардеробе отеля. Старая уличная привычка всегда держать свою верхнюю одежду при себе — привычка из прошлой, бедной жизни — сейчас спасала ей свободу.

Острые кончики ножниц с тихим, противным хрустом вонзились во внутренний шов глубокого бокового кармана куртки. Девушка действовала лихорадочно, но её мозг, привыкший мгновенно ориентироваться в судах под жесточайшим прессингом прокуроров, выдавал четкие, холодные инструкции. Нельзя резать внешнюю ткань. Нельзя портить фасад куртки. Любое внешнее повреждение сразу привлечет внимание следователя. Нужно аккуратно распороть только внутренний нейлоновый стык, там, где ткань кармана крепилась к толстому слою синтепона.

Черные капроновые нитки поддались с тихим треском. Нейлон разошелся под лезвием, обнажив серые, плотные и грязноватые пласты утеплителя. В полумраке прихожей образовалась узкая, темная щель, ведущая в самую глубь одежды.

Вероника метнулась обратно к плинтусу, стараясь не смотреть на застывшую синюю маску лица Громова, и схватила тяжелый углепластиковый шприц-пистолет. Прибор пах горьким миндалем так сильно, что у неё перехватило дыхание и к горлу подступил тошнотворный ком. Липкий сероватый раствор с иглы попал ей на обнаженную кожу пальцев, и ладонь в ту же секунду отозвалась странным, онемевшим покалыванием. Редкий растительный токсин действовал мгновенно, впитываясь даже через поры кожи. Если бы доза на её руках была чуть больше, она бы уже лежала рядом с Громовым.

Дрожащими руками она засунула шприц глубоко внутрь кармана, продвигая его тонкими пальцами к самому низу куртки, под тяжелые, спрессованные пласты синтепона. Углепластиковый корпус должен был лечь строго горизонтально, вдоль подола, чтобы при обычном прощупывании или если кто-то из постояльцев просто решит вскользь осмотреть её одежду, прибор не выделялся, не бугрился и не стучал по деревянным пуговицам. Она затолкнула туда же осколки разбитой ампулы с уцелевшим краем этикетки и остатками серийного номера. Стекло тихо, глухо хрустнуло внутри

утеплителя, смешиваясь с волокнами синтепона. Запах миндаля мгновенно впитался в старую ткань, но нейлон задерживал его внутри, не давая аромату вырваться наружу.

— Быстрее... Господи, быстрее... — сухими губами шептала она, бросая дикие взгляды на дверь.

Шаги в коридоре внезапно прекратились. Они остановились прямо за массивной дубовой дверью её люкса. В наступившей зловещей тишине номера, сквозь которую пробивался лишь далекий гул шторма, слышалось тяжелое, прерывистое вздох человека, стоявшего на пороге. Кто бы это ни был, он стоял там и чего-то ждал.

Вероника выдернула из воротника куртки старую английскую булавку — она всегда носила её там, скрытую под лацканом, как глупый талисман «на удачу» в сложных судебных процессах. Времени искать иголку с ниткой не было. Срывая ногти и пачкая серый нейлон липкими следами с пальцев, она начала стягивать края разрезанной подкладки булавкой, тщательно подворачивая порванные нитки внутрь кармана. Один стежок, второй, третий. Металл булавки с тихим, скрипучим звуком протыкал плотную нейлоновую ткань. Зафиксировав замок булавки, она вывернула карман обратно и резко, одним движением натянула куртку на себя, застегнув металлическую молнию до самого подбородка.

Внешне куртка выглядела абсолютно целой, как и минуту назад. Лишь левый бок у самых ребер стал чуть плотнее. Шприц-пистолет лег идеально, повторяя контуры её тела и

совершенно не мешая движениям. Нейлоновый щит был построен.

В этот же миг в массивную дубовую дверь люкса коротко, властно и оглушительно громко постучали три раза. От этого резкого звука тяжелая железная задвижка, вогнанная в паз изнутри комнаты, тихо и жалобно звякнула в своем металлическом гнезде.

— Вероника Николаевна? Вы проснулись? — раздался из-за двери глубокий, бархатистый и пугающе спокойный мужской голос.

Это был Олег. Администратор отеля «Старый маяк». Тот самый мужчина с тяжелым, мертвым взглядом подо льдом, который вчера вечером встретил их у ворот без единой эмоции на лице, словно принимал постояльцев не в отель, а в морг.

Вероника замерла у вешалки, боясь сделать даже мимолетный вздох. Сердце колотилось так сильно, что ей казалось, Олег слышит его стук сквозь толстую дубовую древесину. Самое страшное было в другом: её правый ослепительно белый шелковый манжет блузки, густо пропитанный ядом, всё еще частично торчал из-под рукава куртки. Если Олег зайдет в номер прямо сейчас — он почувствует этот удушливый, сладковатый запах миндаля за долю секунды. Этот запах выдаст её с потрохами без всяких обысков.

Она лихорадочно, судорожным движением заправила манжет глубоко под засаленный рукав нейлоновой куртки,

плотно прижала правую руку к боку и, постаравшись придать своему голосу привычную, холодную адвокатскую жесткость, уверенно крикнула в сторону запертой двери:

— Да, Олег. Я проснулась. Минуту, я только одеваюсь.

— Откройте, пожалуйста, — незамедлительно ответил голос из коридора, и в его ровной интонации Веронике послышалась едва заметная, зловещая и торжествующая усмешка. — У нас возникли серьезные проблемы с центральным генератором, отель обесточен. И... кажется, ваш высокопоставленный клиент, господин Громов, упорно не отвечает на звонки из холла. Мне нужно лично убедиться, что в вашем номере всё в порядке. И что господин чиновник просто крепко спит. Вероника медленно, со страхом обернулась и в последний раз посмотрела на велюровое кресло. Синий, застывший в беззвучном предсмертном крике труп Артура Громова по-прежнему сидел у камина, уставившись на неё своими мертвыми, стеклянными глазами. А тяжелый железный засов двери, наглухо запертый изнутри её собственными руками, отделял её от человека, который, возможно, прямо сейчас стоял за порогом и с улыбкой палача ждал её неминуемого падения. Она сделала глубокий вдох, подошла к двери и положила ладонь на холодный металл задвижки. Игра на выживание официально началась.

ГЛАВА 3. ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

Железная задвижка поддавалась неохотно. Тяжелый кованый засов словно сопротивлялся, не желая выпускать Веронику из её герметичного убежища навстречу тому, кто ждал за порогом. С глухим, сухим и маслянистым скрежетом металл выскочил из паза. Этот звук показался адвокату финальным щелчком наручников. Капкан открылся, но спасения за ним не было.

Вероника глубоко вдохнула, изо всех сил удерживая ледяную маску абсолютного спокойствия, и потянула массивную дубовую дверь на себя.

Администратор Олег стоял в полумраке коридора, окутанный серыми предрассветными сумерками, которые лениво сочились сквозь узкое окно в конце галереи. На нем был строгий черный пиджак, застегнутый на все пуговицы, а в правой руке он держал старинный бронзовый подсвечник с оплившей стеариновой свечой. Желтое пламя дрожало и вытягивалось от сквозняка, отбрасывая на его бледное, словно высеченное из гранита лицо глубокие, зловещие тени. Его серые глаза, холодные, неподвижные и абсолютно мертвые, сканировали Веронику с головы до ног за долю секунды.

Этот взгляд подо льдом мгновенно зафиксировал каждую деталь: её застегнутую до подбородка старую куртку, бледное лицо и то, как неестественно плотно она прижимала к

боку правый локоть.

— Доброе утро, Вероника Николаевна, — тихо, почти ласково произнес Олег, слегка наклонив голову набок. На его тонких губах блуждала едва заметная, вежливая полуулыбка, от которой по спине адвоката пробежал ледяной холодок. — Вы выглядите изможденной. Шторм не дал отдохнуть? Или снотворное оказалось слишком сильным?

— Шторм действительно разбушевался, Олег, — ответила она, заставив свой голос звучать ровно, жестко и уверенно, как на самых сложных судебных процессах.

Правый локоть она намертво вжала в ребра, скрывая зашитый в подкладку куртки шприц-пистолет и пряча глубоко под нейлон отравленный шелковый манжет. Запах горького миндаля, казалось, преследовал её, но свежий, ледяной воздух из коридора, пахнувший озерной сыростью, вовремя разбавил атмосферу.

— Вы говорили, что Громов не отвечает? — Вероника сделала полшага в сторону, намеренно освобождая дверной проем. Она слишком хорошо знала правила игры. Если она попытается преградить администратору путь или занервничает, это станет её прямым признанием. — Проходите. Он... кажется, он до сих пор в кресле. Я думала, он просто крепко спит после вчерашнего ужина.

Олег переступил порог номера. Его шаги по лакированному паркету были сверхъестественно, пугающе бесшумными для такого крупного и сильного мужчины. Так передвигают-

ся только вокзальные бандиты, готовые нанести удар со спины, или профессиональные палачи промзоны. Пройдя мимо Вероники, он замер посреди комнаты, медленно поднимая подсвечник над головой.

Желтый огонек свечи разрезал полумрак гостевого люкса, выхватив из темноты велюровое кресло у камина и сидящее в нем тело.

— Артур Борисович? — негромко позвал Олег, делая еще один размеренный шаг вперед.

Громов не шелохнулся. В колеблющемся свете пламени его синее, почерневшее лицо казалось еще более жутким, а губы застыли в беззвучном предсмертном крике. Микроскопическая бурая капля крови на сонной артерии полностью подсохла, превратившись в крошечную темную точку.

Олег медленно опустил руку с подсвечником на край дубового стола. Он не вскрикнул от ужаса, не отпрянул назад, не бросился проверять пульс. Он просто стоял спиной к Веронике и пристально, методично, сантиметр за сантиметром рассматривал труп всесильного чиновника. Эта абсолютная, ледяная реакция испугала адвоката сильнее, чем сам факт обнаружения тела. Обычные люди так себя не ведут при виде покойника. Так смотрят только на результат собственной, хорошо выполненной работы.

— Он мертв, — констатировал Олег. Его глубокий бархатистый голос прозвучал пугающе ровно, полностью лишенный каких-либо человеческих эмоций. — И, судя по специ-

фическому цвету кожи, это не инфаркт и не инсульт. Его отравили, Вероника Николаевна. Причем веществом мгновенного действия.

Он медленно повернулся к Веронике. В его стеклянных глазах теперь читался леденящий душу, торжествующий блеск хищника, который загнал жертву в угол.

— Вероника Николаевна, вы ведь спали в этой комнате всю ночь? — тихо спросил он, делая шаг к ней. — И массивная дверь, насколько я вижу, была наглухо заперта на тяжелую железную задвижку *изнутри*. Вы сами открыли её мне только что. Окна закрыты на шпинделя. Физически войти сюда никто не мог. Расскажите мне, как адвокат... как это произошло?

— Я ничего не слышала и не видела, — твердо отрезала Вероника, чувствуя, как внутри всё сжимается от подступающего ужаса. — Вечером я приняла убойную дозу фенобарбитала из-за затяжной бессонницы. Я спала как мертвая. Проснулась пару минут назад от вашего настойчивого стука. Голова до сих пор раскалывается. Вы намекаете, что это сделала я? У меня не было никаких причин убивать своего главного клиента.

— Я ничего не намекаю, я лишь фиксирую факты, — Олег вернул на лицо вежливую, холодную маску. — В отеле «Старый маяк» сейчас находятся всего пять человек, включая меня. Мартовский шторм полностью затопил мост и единственную переправу, телефонные провода оборваны, связи

нет. Мы абсолютно изолированы от внешнего мира на этом скалистом выступе. И среди нас — труп самого влиятельного человека в городе.

Он подошел к входной двери, внимательно осмотрел железный засов и пальцами в черной кожаной перчатке аккуратно провел по металлическому пазу косяка. На его губах снова скользнула зловещая полуулыбка. Вероника затаила дыхание. Она еще не знала, что этот молчаливый администратор — выживший брат строителя Игоря Петровича, чью жизнь они с Громовым растоптали три года назад. И что именно Олег полчаса назад провернул невозможный фокус с капроновой нитью и магнитом под порогом, задвинув тяжелый засов снаружи комнаты, чтобы подставить её.

— Дмитрий и Катерина уже спустились в холл, — Олег взял подсвечник со стола и направился к выходу. — Дмитрий — бывший следователь, у него огромный опыт расследования подобных... деликатных дел. Я думаю, вам стоит немедленно спуститься вместе со мной. Нам нужно обсудить новые правила, по которым мы будем жить в этом доме до тех пор, пока шторм не утихнет и сюда не сможет пробиться полиция. Если она вообще когда-нибудь сюда доберется.

Вероника молча кивнула. Интуиция топ-адвоката подсказывала, что холл отеля сейчас превратится в зал трибунала, где у неё не будет судейского иммунитета. Ей придется защищать собственную жизнь перед людьми, каждый из которых ненавидел покойного Громова. И каждый из которых мог ве-

сти свою изоощренную игру.

Она незаметно поправила воротник куртки, прощупывая сквозь серый нейлон жесткий корпус спрятанного шприца-пистолета, и шагнула из номера вслед за молчаливым администратором, оставляя синий труп Громова в темной запертой комнате. Капкан закрылся идеально, и первая очная ставка ждала её внизу у камина.

ГЛАВА 4. СЛЕД НА ПЕПЛИЩЕ

Холл первого этажа отеля «Старый маяк» напоминал склеп, в котором заживо замуровали уцелевших. Огромное пространство с высоким сводчатым потолком тонуло в траурно-серых предрассветных сумерках. Огромные панорамные окна, выходящие на бурлящее озеро, вибрировали и жалобно стонали от каждого яростного удара мартовского ветра. Мокрый, тяжелый снег налипал на стекла снаружи, медленно сползая вниз и оставляя за собой длинные, похожие на шрамы дорожки.

Единственным источником тепла и света был массивный каменный камин в углу. В его глубокой пасти лениво трещали сырые сосновые поленья, выбрасывая в воздух едкий, горьковатый дым. Воздух в холле был плотным, удушливым, пропитанным запахом озерной сырости, старого дерева и гари.

У камина, в глубоких кожаных креслах, сидели двое.

Журналистка Катерина куталась в дорогой шерстяной плед. На её бледном, осунувшемся лице с безупречным, но уже слегка размазанным макияжем застыла маска циничного ожидания. Она судорожно сжимала в пальцах тонкую сигарету, выпуская изо рта колечки сизого дыма. Рядом с ней неподвижно, словно высеченное из камня изваяние, сидел Дмитрий — бывший следователь. Его лицо с резкими, гру-

быми чертами и тяжелым подбородком оставалось абсолютно спокойным. Лишь воспаленные, красные от хронического недосыпа серые глаза подо льдом медленно, сканирующим взглядом провожали Веронику, пока та спускалась по широкой мраморной лестнице вслед за Олегом.

Шаги Вероники гулко отдавались от каменных плит пола. Её правый локоть по-прежнему был намертво прижат к боку, фиксируя спрятанный под нейлоном шприц-пистолет. Каждое движение отзывалось острой, пульсирующей болью в висках — фенотбарбитал продолжал отравлять её разум.

— Ну и ну. Кого я вижу, — Катерина хрипло рассмеялась, даже не повернув головы. Она стряхнула пепел прямо на каменный пол. — Наш столичный топ-адвокат соизволил спуститься в общую камеру. Верочка, а где же ваш всесильный покровитель? Неужели Артур Борисович брезгует сидеть у одного костра с простыми смертными?

Вероника не ответила. Она подошла ближе к огню, чувствуя, как ледяной штормовой воздух, пробивающийся сквозь щели в рамах, заставляет её крупно дрожать внутри куртки.

— Громов мертв, — вместо неё ровным, пугающе лишенным эмоций голосом произнес Олег. Он аккуратно поставил бронзовый подсвечник на каминную полку и повернулся к присутствующим. — Его тело сейчас находится в гостевом люксе на втором этаже. Лицо синее. На шее след от укола. Похоже на редкий быстродействующий токсин.

В холле на мгновение наступила оглушительная, звенящая тишина. Слышно было только, как шторм за окном с новой силой швырнул ледяную крошку в панорамное стекло.

Реакция постояльцев была жуткой. На лице Катерины не отобразилось ни капли страха или удивления. Напротив, её губы медленно тронула робкая, торжествующая и хищная усмешка. Она глубоко затянулась сигаретой, словно только что услышала новость о падении акций конкурента, а не об убийстве человека. Дмитрий лишь слегка прищурил свои воспаленные глаза, а его пальцы на подлокотнике кресла судорожно сжались в кулак, обнажая белые костяшки. Три года назад Громов разрушил его карьеру, уволив из органов, когда следователь подошел слишком близко к его серым махинациям. И сейчас Дмитрий упивался моментом.

— Мертв, значит... — протянул Дмитрий, медленно поднимаясь с кресла. Его массивная, широкоплечая фигура сразу подчинила себе пространство холла. На нем была старая кожаная куртка, от которой веяло дешёвым табаком. — Какая ирония судьбы. Человек, который думал, что купил весь этот город, закончил свои дни на грязном полу в глуши. И самое интересное... Вероника Николаевна, вы ведь спали в той же комнате, верно?

Дмитрий сделал шаг навстречу Веронике. Его взгляд, тяжёлый и профессионально проницательный, заскользил по серому нейлону её одежды.

— Вы адвокат, вы должны понимать, в каком положении

сейчас находитесь, — тихо, с пугающим весом в голосе продолжил бывший сыщик. — Связи нет. Мост затоплен. Отель отрезан от мира. Мы заперты здесь один на один с трупом и убийцей. И этот убийца находился в комнате, которая, как утверждает Олег, была наглухо закрыта на внутренний засов. Физически войти туда снаружи никто не мог.

Вероника почувствовала, как липкий пот выступил у неё на лбу. Ловушка сжималась. Ей нужно было немедленно перевести удар, найти хоть какую-то зацепку, доказывающую невозможный фокус Олега, иначе её раскатают здесь же, у камина.

Она сделала шаг назад, спиной к массивному дубовому столу, за которым вчера вечером Олег регистрировал их прибытие. Пытаясь унять дрожь в руках, она опустила левую ладонь на деревянную поверхность стола и внезапно пальцами нащупала что-то под столешницей.

Там, в узкой технологической щели между декоративной панелью стойки и выдвижным ящиком администратора, был спрятан посторонний предмет.

Действуя инстинктивно, уличным чутьем загнанного зверя, Вероника аккуратно, беззвучно продвинула пальцы глубже. Её ногти задели тонкую, жесткую структуру. Капроновая нить. Очень прочная, рыболовная леска, один конец которой был намертво привязан к небольшому, но невероятно мощному неодимовому магниту, прикрепленному к внутренней стороне деревянного каркаса стола. На леске остался едва

заметный, свежий след бурой смазки — точно такой же, какой Олег использовал вчера вечером для смазывания дверных петель в её номере.

Вспышка озарения ослепила Веронику. Это был скрытый детонатор. Тот самый технологичный фокус, с помощью которого Олег смог задвинуть тяжелую железную задвижку изнутри её комнаты, находясь при этом снаружи в коридоре, просто протянув нить через замочную скважину или под порогом и сорвав её магнитом.

Адвокат Леонова мгновенно сжала левую руку в кулак, скрывая находку, и смело посмотрела прямо в глаза бывшему следователю Дмитрию.

— Вы ошибаетесь, Дмитрий, — ледяным, уверенным тоном отчеканила она, заставляя свой голос звенеть на весь холл. — В криминалистике нет слова «невозможно». Герметичность этой комнаты — всего лишь иллюзия. И фасад этой ловушки рухнет гораздо быстрее, чем вам кажется. Здесь каждый имел мотив уничтожить Громова. И у меня есть доказательства, что настоящий палач прямо сейчас стоит среди нас и держит в руках подсвечник.

Олег у камина даже не вздрогнул. Но пламя свечи в его бронзовом подсвечнике в эту секунду резко дернулось и колыхнулось от внезапного сквозняка, словно сама тьма в глубине отеля приготовилась к новому, неизбежному удару.

ГЛАВА 5. ПЕТЛЯ В ТЕМНОТЕ

Слова Вероники повисли в удушливом воздухе холла тяжелым грозовым облаком. Они словно физически придавили присутствующих к каменным плитам пола. Журналистка Катерина замерла с тонкой сигаретой у самого рта. Её недавняя хищная усмешка мгновенно сменилась напряженным, выжидающим прищуром профессионального репортера, учувшего сенсацию на крови.

Бывший следователь Дмитрий медленно, всем корпусом перевел взгляд с побледневшего адвоката на неподвижного администратора отеля. Его воспаленные, красные от вечного недосыпа глаза под массивными надбровными дугами сузились до размеров тонких и острых бритвенных лезвий.

Олег оставался пугающе спокоен. Желтый огонек стеариновой свечи в его правой руке не дрогнул ни на один миллиметр. Тень от бронзового подсвечника застыла на стене омертвевшим черным изваянием. Однако Вероника, привыкшая в залах судов ловить мимолетные мимические судороги свидетелей, отчетливо заметила, как на его волевом, жестком подбородке едва заметно дернулась и затихла тонкая жилка.

— Доказательства? — Дмитрий хрипло и коротко хмыкнул, медленно закладывая руки за спину. В его глухом голосе прорезался тот самый профессиональный, опасный азарт

гончей, которая после долгих лет сырой пустоты наконец-то почуяла под лапами горячий и свежий след. — Вероника Николаевна, в этом импровизированном зале суда у вас нет адвокатской мантии, процессуальных отсрочек и права на ошибку. Если у вас действительно есть весомая улика, выкладывайте её на этот стол прямо сейчас. Без лишней лирики. Иначе всё это выглядит как дешёвая и трусливая попытка затянуть время перед неизбежным финалом.

— Да наш столичный топ-адвокат просто пытается спасти свою шелковую шкуру! — цинично и со злостью выплюнула Катерина, бросая недокуренную сигарету прямо на каменный пол и с силой растирая её носком дорогого туфля. — Ей не привыкать искусно врать и выворачивать факты наизнанку. Она годами отмывала Громова, пока мы гнили заживо из-за его серых схем. Теперь пришла её очередь платить по счетам.

Вероника не удостоила журналистку даже коротким взглядом. Все её чувства были обострены до предела. Её левая рука, скрытая от глаз присутствующих под массивной дубовой столешницей стойки, крепко, до судороги в пальцах, сжимала находку — тонкую капроновую леску и тяжелый неодимовый магнит, пахнувший свежей, липкой бурой смазкой. Адвокат Леонова сделала глубокий, ледяной вдох, заставляя первобытную панику окончательно отступить. В её разуме включился тот самый яростный, холодный математический расчет, который приносил ей победы в самых без-

надежных делах.

— Вы абсолютно правы, Дмитрий. Времени на долгие прения у нас действительно нет, — ледяным, звенящим на весь холл тоном отчеканила Вероника, делая решительный шаг вперед от стойки администратора. — Вы все с самого начала заикнулись на одной-единственной детали. На том, что комната была наглухо заперта изнутри. Тяжелый железный засов, окна закрыты на массивные шпингалеты, герметичный каменный гроб. Идеальное преступление в духе классических романов, верно? Нет. Всего лишь примитивный, грязный технический фокус, тонко рассчитанный на то, что уставший следователь пойдет по самому очевидному пути и обвинит того, кто проснулся в номере.

Она резко выдернула левую руку из-под стола и с силой швырнула свою находку на старый персидский ковер прямо к ногам Дмитрия. Металлический магнит с глухим, зловещим стуком упал на ткань, а длинная капроновая нить змеей кольнулась и распрямилась в воздухе холла.

— Что это за дрянь? — Дмитрий нахмурился, мгновенно опускаясь на одно колено. Он был старым волком и не стал трогать предмет голыми руками, аккуратно подцепив край лески кончиком своего складного ножа.

— Это то, с помощью чего Артура Громова тихо убили в запертой комнате, оставаясь при этом снаружи, в абсолютной безопасности коридора. Олег вчера вечером лично смазывал дверные петли в моем номере бурым техническим

маслом — я слишком хорошо запомнила этот специфический, удушливый запах. На этой леске остались точно такие же следы смазки. Трюк стар как мир, Дмитрий. Капроновая леска продевается под порогом закрытой двери или через замочную скважину, крепится к кольцу тяжелого засова, а с другой стороны коридора притягивается мощным неодимовым магнитом через древесину. Достаточно сильно потянуть за нить из темноты коридора, чтобы задвижка с грохотом вошла в металлический паз изнутри комнаты. После этого леска просто сдергивается сильным рывком через щель, не оставляя явных следов взлома.

Вероника резко повернулась к Олегу, её серые глаза горели праведным, торжествующим гневом загнанного в угол человека.

— Вы просчитались только в одном, Олег. Магнит сорвался с лески в самый последний момент и остался лежать под вашей стойкой, куда вы спешно затолкнули его ногой перед тем, как подняться ко мне и разыграть сцену «обеспокоенного администратора». Вы — единственный, кто имел беспрепятственный доступ к ключам, маслу и комнатам этого отеля. Это вы вкололи Громову смертельный яд через шприц-пистолет, пока он спал под транквилизаторами, а потом заперли меня с его синеющим трупом, чтобы повесить это убийство на меня!

Катерина резко вскочила с кожаного кресла, тяжелый шерстяной плед бесформенной массой сполз с её плеч на

пол. Она со страхом, неверием и диким изумлением уставилась на бледное лицо Олега. Дмитрий медленно, тяжело поднялся с колен, его лицо потемнело от ярости, а желваки заходили под кожей.

— Олег... — глухо и угрожающе произнес бывший следователь, делая медленный шаг к администратору отеля. Его правая рука инстинктивно дернулась к внутреннему карману куртки, где он годами привык носить свой табельный пистолет, но там было пусто. — Это правда? Какого черта здесь происходит? Говори!

В огромном холле воцарилась звенящая, мертвая и удушающая тишина. Слышно было только, как лед на штормящем озере за окнами с оглушительным, похожим на пушечный выстрел треском раскололся под очередным яростным ударом мартовской стихии.

Олег медленно, с полным достоинством опустил руку со свечой на каменную каминную полку. На его лице не отразилось ни единой капли страха или раскаяния. Маска вежливо-го, услужливого портье окончательно и безвозвратно слетела, обнажив суровые, глубокие морщины и леденящий, волчий взгляд человека, которому больше незачем скрываться от этого мира. На его тонких губах появилась жуткая, пугающая улыбка палача, дождавшегося своего триумфа.

— Вы действительно чертовски умны и проницательны, Вероника Николаевна, — тихо, с пугающим бархатистым эхом произнес Олег, глядя адвокату прямо в душу своими

мертвыми глазами. — Столичная школа. Громов не зря платил вам миллионы, чтобы вы искусно отмывали его грязные дела и топили его врагов. Да. Магнит мой. И леска моя. И Громова убил именно я.

Он медленно перевел свой тяжелый взгляд на Дмитрия, и его голос огрубел, став похожим на скрип несмазанных тележных колес.

— Ты хочешь знать, за что я приговорил эту синюю тварь, Дима? За что я устроил эту казнь? Три года назад этот ублюдок Громов провернул масштабную серую махинацию и закрыл единственную детскую лечебную клинику в промзоне, чтобы построить на её пепелище свои торговые склады. Мой младший брат, честный строитель Игорь Петрович, своими руками строил этот объект. Громов не просто кинул его на огромные деньги и обанкротил его контору. Когда Игорь попытался бороться и пошел в суды, Громов подставил его. Сфабриковал дело с помощью Мясника из промзоны, подбросил окровавленный охотничий нож на его загородную дачу и упек невиновного многодетного отца Игоря на максимальный срок в колонию строгого режима!

Олег сделал яростный шаг вперед, его широкая грудь тяжело вздымалась под черным пиджаком.

— Жена Игоря, несчастная Елена, через неделю покончила с собой в ванной от позора, травли соседей и нищеты. А их трое маленьких детей — Денис, Максим и крошечная пятилетняя Аля — три долгих года замерзали, голодали и

мокли на привокзальных вокзалах, превратившись в диких зверят! И всё это время эта синяя мразь Громов шиковала в своих загородных особняках и покупала новые машины. А эта блестящая сука, адвокат Леонова, лично уничтожала в судах любые апелляции нашей защиты, затягивала процессы и топила моего брата ради очередных гонораров от чиновника! Вы думали, что печать молчания на этом деле останется навечно? Вы думали, что про вас все забыли? Нет. Я ждал долгих три года. Я выследил Громова. Я заманил вас обоих в этот проклятый отель. И я ввел ему через шприц ту самую дозу токсина, которую он заслужил. Каждую каплю!

— Ты сумасшедший... Господи, ты психопат, — прошептала Катерина, в ужасе пятаясь назад, пока её спина не уперлась в холодное стекло панорамного окна.

— Я не сумасшедший, Катя. Я — то самое правосудие, которое слишком долго опаздывало. И моя игра еще не окончена. Она только начинается.

Олег резко, молниеносным движением вскинул левую руку, и в его ладони тускло блеснул маленький пластиковый пульт. Его палец с силой нажал на единственную черную кнопку.

Где-то глубоко внизу, в цокольном этаже, со стороны котельной и генераторной, раздался глухой, сокрушительный взрыв, от которого заложило уши. Огромное каменное здание отеля содрогнулось до самого фундамента. Панорамные окна в холле жалобно зазвенели, мгновенно покрываясь се-

тью мелких трещин. Единственный генератор, до этого глухо рокотавший под полом, надрывно взвыл, выбросил столб копоти и навсегда затих.

Огонек свечи на камине мгновенно погас. Холл отеля «Старый маяк» в одну секунду погрузился в кромешную, абсолютную, леденящую душу и осязаемую тьму штормовой мартовской ночи.

ГЛАВА 6. ОСТРИЕ ВО ТЬМЕ

Тьма, обрушившаяся на холл после взрыва генератора, была абсолютной, почти осязаемой. Она мгновенно стерла все очертания предметов, превратив огромное пространство отеля в глухой, ледящий душу склеп. В первые секунды в ушах стоял лишь надрывный, угасающий звон треснувших панорамных окон и яростный, торжествующий вой мартовского шторма, пробравшегося сквозь новые щели в стекле.

Вероника замерла, боясь сделать даже полшага. Сердце колотилось в груди так сильно, что его удары отдавались в горле. Фенобарбитал продолжал отравлять разум, но адреналиновый шок заставил её чувства обостриться до предела. Она уличным чутьем понимала: в этой темноте они все стали равны, но у Олега было главное преимущество — он знал каждый угол этой каменной ловушки.

— Олег! Стоять! — где-то в паре метров справа раздался яростный, хриплый крик Дмитрия. Послышался тяжелый топот его ботинок, глухой удар массивного тела о деревянную стойку администратора и звон перевернутого бронзового подсвечника. — Тварь, я найду тебя...

— А-а-а! Он здесь! Он идет сюда! — истошно, до хрипа закричала Катерина со стороны окон. Её крик внезапно оборвался глухим, удушливым хрипом, словно чья-то железная ладонь в кожаной перчатке намертво запечатала ей рот. По-

слышался короткий звук возни, треск рвущейся ткани пледа и тяжелый, грубый стук обмякшего тела о каменные плиты пола. Олег действовал быстро, хладнокровно и без звука. Он убирал лишних свидетелей.

Вероника поняла: следующая очередь — её.

Действуя на чистых животных инстинктах загнанного волка, она бесшумно опустилась на корточки, прижав спину к холодному основанию дубовой стойки. Её пальцы лихорадочно, срывая ногти, вцепились в левый бок собственной старой осенней куртки. Серый нейлон хрустел под ладонью. Вероника нащупала под тканью скрытую головку английской булавки, которой полчаса назад скрепила разрезанную нейлоновую подкладку кармана. Металл обжег пальцы холодом.

С силой рванув замок булавки, Вероника вытащила её из шва. Ткань кармана разошлась, обнажив серые пласты синтепона. Запах горького миндаля мгновенно вырвался наружу, ударив в нос удушливией химической волной. Вероника запустила руку глубоко под утеплитель, и её пальцы коснулись холодного, матового углепластикового корпуса автоматического шприца-пистолета.

Она выдернула прибор из нейлонового тайника.

Тяжелое оружие легло в её руку как влитое. Встроенный цифровой дозатор был мертв без батарей, но механический спуск шприца-пистолета по-прежнему работал. Тончайшая стальная игла, на кончике которой всё еще блестела микроскопическая капля смертельного токсина Громова, хищно

замерла во тьме. Вероника взвесила прибор в руке, чувствуя, как страх медленно трансформируется в холодную, яростную решимость. Это был её единственный шанс выжить в этом золотом капкане.

Прямо над её головой, всего в полуметре от стойки, раздались шаги. Они были сверхъестественно, пугающе бесшумными. Так ходит Марк Волков в своих ночных вылазках по промзоне. Так передвигался Олег.

Вероника перестала дышать. Она отчетливо услышала, как мужчина в темноте тяжело, прерывисто вздохнул и сделал еще один шаг. Ткань его пиджака тихо шуршала по дереву стойки. Олег искал её на ощупь, двигаясь вдоль мебели. Его левая рука, как поняла Вероника по легкому шороху, скользила по дубовой поверхности стола прямо над её головой.

— Верочка... — пугающе тихо, почти ласково прошептал голос Олега из темноты. От этого бархатистого шепота у адвоката по спине пробежал ледяной пот. — Я ведь знаю, что ты здесь. Ты не уйдешь отсюда. Твой фасад рухнул. Вы с Грозовым ответите за Игоря. За Елену. За детей...

Его шаги остановились точно напротив неё. Вероника увидела, как в тусклом, сером отблеске шторма, едва пробивающемся сквозь разбитые окна, сверху вниз опускается массивная темная фигура. Олег приседал, собираясь заглянуть под стойку. В его правой ладони зловеще блеснуло что-то длинное и острое — похоже, он нашел обломок панорам-

ного стекла.

Времени на размышления больше не оставалось.

Вероника резко, с глухим звериным рыком выбросила правую руку вперед и вверх, целясь вслепую, на звук его голоса. Матовый углепластиковый корпус шприца-пистолета с силой врезался во что-то мягкое. Длинная стальная игла с хлопاًющим, коротким звуком вошла глубоко в плоть.

Олег издал дикий, задушенный крик боли и неожиданности. Вероника почувствовала, как под её пальцами сработал механический поршень прибора, до упора вдавив остатки липкого раствора горького миндаля из разбитой ампулы прямо в тело мужчины. Первый удар пришелся точно в область предплечья или шеи — в темноте было не разобрать.

Мужчина тяжело рухнул на неё сверху, придавив своим огромным весом к каменному полу. Его пальцы в кожаной перчатке мертвой хваткой вцепились в воротник её нейлоновой куртки, разрывая ткань у самого горла. Обломок стекла со свистом пролетел в паре сантиметров от лица Вероники, глубоко полоснув по деревянной панели стойки.

— Ты... всё равно... не выйдешь... — прохрипел Олег, его дыхание мгновенно стало прерывистым и свистящим. Токсин Громова, рассчитанный на мгновенную блокировку сердца, начал действовать.

Его тело внезапно обмякло, став невероятно тяжелым, и грузно сползло с неё на паркет. Пальцы в перчатке разжались, выпустив воротник куртки.

Вероника тяжело, со свистом дышала, пытаясь выбрать-ся из-под его неподвижного тела. И именно в этот момент, когда её ладонь скользнула по полу в поисках опоры, пальцы наткнулись на неожиданную, леденящую душу деталь. На ковре, прямо рядом со стойкой, лежал оброненный Олегом пульт от подрывного устройства. На его гладком пластиковом корпусе, подсвеченном блеклым сиянием далекой молнии, Вероника нащупала глубокую, свежую ручную гравировку. Это были три аккуратные буквы: М. В.

Её сердце пропустило удар, а разум на мгновение отказался верить в происходящее. Марк Волков. Настоящий Мясник из промзоны.

Олег не был одиночкой-мстителем, действующим вслепую. Все его ходы, этот отель, сложный взрывной механизм и даже шприц-пистолет с редким токсином — всё это было частью куда более масштабного, чудовищного плана, который Марк Волков координировал из своего глубокого криминального подполья. Олег был лишь пешкой. Настоящий архитектор этого капкана прямо сейчас оставался на свободе, наблюдая за ними из темноты.

В холле снова наступила мертвая, звенящая тишина, нарушаемая лишь безумным воем мартовской стихии за стенами. Администратор отеля затих у её ног, превратившись в кучу обмякшего тряпья. Но осознание того, чья тень на самом деле стоит за этой ночью, сдавило горло Вероники сильнее любого яда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.